

ЧАСТЬ I

С детства я христианин,
Добрый, кроткий Божий сын.
Честным должен быть в делах
И правдивым в словах...
Бог на небе, знаю я,
Зрит все мысли и дела.

Амишский школьный стих

ГЛАВА 1

Ей часто снилось, как подо льдом плавает безжизненное тело ее маленькой сестры, но в ту ночь она впервые представила, что Ханна пытается выбраться. Она видела широко раскрытые испуганные глаза Ханны, чувствовала, как та цепляется ногтями за лед. Потом, вздрогнув, она проснулась. Зимы не было — на дворе стоял июль. Под ладонями ощущался не лед, а лишь скомканные простыни. Но опять по ту сторону кто-то был, и он пытался освободиться.

Почувствовав сильный спазм в животе, она закусила губу. Потом крадучись вышла из дому, не обращая внимания на схваткообразную боль.

На пороге коровника ее встретило громкое кошачье мяуканье. Теперь она тяжело дышала, ноги тряслись, как ивовые ветки. Опустившись на сено в дальнем углу загона для отёла, она подтянула колени к животу. Раздущиеся коровы сначала скосили в ее сторону голубоватые белки глаз, но потом стали отворачиваться, словно догадавшись, что не стоит быть свидетелями.

Она так пристально всматривалась в шкуры голштиинских коров, что их черные пятна задрожали и поплыли у нее перед глазами. Потом впилась зубами в край почной рубашки. И вдруг почувствовала сильное сжатие изнутри, будто ее выворачивали наизнанку. Она вспомнила, как они с Ханной протискивались через дыру в колючей проволочной изгороди у ручья, упрямо пихаясь локтями и коленями и кряхтя, пока каким-то чудом не вылезали наружу.

Все закончилось так же неожиданно, как и началось. И на спутанном, испачканном сене у нее между ног лежал младенец.

Аарон Фишер повернулся под ярким лоскутным одеялом, чтобы взглянуть на часы у кровати. Ничего такого не произошло, никакие звуки его не потревожили, но после сорока пяти лет жизни на молочной ферме его могли разбудить даже самые слабые звуки, такие как шорох шагов по песку, шум ветра, изменившего направление, скребущий звук, издаваемый шершавым языком коровы, когда она облизывает новорожденного теленка.

Фишер почувствовал, как подался матрас, когда Сара у него за спиной поднялась на локте. Через плечо у нее, как морской канат, была переброшена длинная коса.

— Was ist letz? Что случилось?

Дело было не в животных — до отёла первой коровы оставался еще целый месяц. И не в грабителе — шум был едва различим. Фишер почувствовал, как жена обвила его рукой и прижалась к нему.

— Nix, — пробормотал он.

Ничего. Но он не знал, кого пытался убедить — Сару или себя.

У нее хватило сообразительности отрезать пуповину, багровой спиралью отходящую от живота младенца. Трясущимися руками ей удалось дотянуться до старых пожниц, висящих на колышке у двери стойла. Ржавые пожницы были покрыты клочками сена. Пуповина распалась на два толстых обрубка, из которых хлынула кровь. В ужасе она крепко зажала пальцами концы, потерянно озираясь по сторонам в поисках чего-нибудь, чтобы перевязать пуповину.

Пошарив в сене, она нашла небольшой кусок бечевки, которой быстро затянула пуповину. Кровотечение за-

ЧАСТЬ I

медлилось, потом прекратилось. Она с облегчением откинулась назад, и тут поворожденный заплакал.

Схватив ребенка, она принялась изо всех сил его укачивать. Ногой отшвырнула сено, стараясь прикрыть кровь чистым слоем. Рот младенца открывался и закрывался, терся о ее хлопковую сорочку.

Она понимала, чего хочет младенец, но не могла этого сделать. А иначе все стало бы похожим на правду.

Поэтому она сунула младенцу свой мизинец, позволив маленьким сильным челюстями пососать его, а сама занялась тем, что ее учили делать в минуты величайшего напряжения и что она повторяла уже много месяцев.

— Господи! — молилась она. — Пожалуйста, пусть все это закончится!

Ее разбудило звяканье цепей. На дворе все еще было темно, но внутренний распорядок молочных коров заставлял каждую подниматься в своем стойле, их напитанное молоком, с голубыми прожилками вымя наминало полную луну, зажатую между ног. Она устала, и у нее все болело, но она знала, что ей необходимо выбраться из коровника, прежде чем мужчины придут доить коров. Бросив взгляд вниз, она поняла, что свершилось чудо: на месте пропитанного кровью сена оказалось свежее, не считая небольшого пятна у нее под ягодицами. И два предмета, которые она держала, засыпая, — ножницы и новорожденный — исчезли.

С трудом поднявшись на ноги, она с благоговением подняла глаза к крыше.

— Danke, — прошептала она, выбегая из амбара в полумрак.

Как все прочие шестнадцатилетние амишские парни, Леви Эш больше не ходил в школу. Он окончил восьмой класс и проходил испытательный срок для принятия осознанного решения о крещении по вере в Церкви

амишей. А пока его наняли помощником к Аарону Фишеру, у которого не было больше сына, чтобы помогать на молочной ферме. Леви получил эту работу по рекомендации своего старшего кузена Сэмюэла, уже пять лет служившего у Фишеров работником. А поскольку все знали, что Сэмюэл, вероятно, в скором времени женится на дочери Фишеров и заведет собственную ферму, это означало, что Леви получит продвижение по службе.

Его рабочий день начинался в четыре часа утра, как на всех прочих молочных фермах. По-прежнему стояла кромешная тьма, и Леви не видел приближающийся багги¹ Сэмюэла, но слышал слабое позвякивание упряжи. Схватив соломенную шляпу с плоскими полями, он выбежал за дверь, потом вскочил на сиденье рядом с Сэмюэлом.

— Привет, — затаив дыхание, произнес он.

Сэмюэл кивнул, но не повернулся и не заговорил.

— Что случилось? — поддразнивая, спросил Леви. — Вчера Кэти не поцеловала тебя на прощание?

Нахмурившись, Сэмюэл двинул Леви по уху, отчего шляпа паренька отлетела в угол повозки.

— Может, заткнешься?

Они ехали в молчании, под шелест ветерка, проносящегося по изрезанному краю кукурузного поля. Вскоре Сэмюэл остановил багги на переднем дворе Фишеров. Леви, соскочив на мягкую землю, дождался, пока Сэмюэл не привяжет лошадь для выпаса, а затем они отправились в коровник.

Лампы, используемые при дойке, работали от генератора, как и вакуумные насосы, подвешенные к вымени коров. Аарон Фишер опустился на колени рядом с одной из коров, опрыскав ей вымя раствором йода, а по-

¹ *Багги* — конные экипажи амишей; кроме амишей, никто не ездит по дорогам в подобном транспорте. — *Здесь и далее примеч. перев.*

том насухо вытерев страницей, вырванной из старой телефонной книги.

— Сэмюэл, Леви, — приветствовал он парней.

Им не надо было говорить, что делать, поскольку они уже это знали. Сэмюэл подкатил тачку под силосную башню и принялся смешивать фураж. Леви выгребал навоз из-под каждой коровы, время от времени поглядывая на Сэмюэла и мечтая поскорее стать старшим работником.

Дверь амбара открылась, и неспешным шагом вошел отец Аарона. Элам Фишер жил в grossdawdi haus, небольшой квартире, примыкающей к главному зданию. Элам всегда помогал при дойке, но Леви должен был выполнять неписанные правила: следить, чтобы старик не носил ничего тяжелого, не позволять ему напрягаться, и пусть считает, что Аарон не может без него обойтись.

— Парни, — пророкотал Элам, потом замер, наморщив нос над длинной белой бородой. — Что ж, у нас появился теленок.

Озадаченный Аарон встал на ноги:

— Нет, я проверял загон.

— Все равно я чую запах, — покачал головой Элам.

— Похоже, Леви не мешало бы принять ванну, — пошутил Сэмюэл, подбрасывая лопату свежего фуража первой корове.

Когда Сэмюэл проходил мимо него с тачкой, Леви шагнул вперед и поскользнулся на навозной жиже. И тут же приземлился на задницу в канаве для отходов. Услышав раскаты смеха Сэмюэла, он стиснул зубы.

— Да не переживай, — пробубнил Аарон, хотя губы его кривила усмешка. — Сэмюэл, отстань от него. Леви, по-моему, Сара оставила твою запасную одежду в кладовой для упряжи.

Леви неловко поднялся на ноги, щеки у него горели. Он прошел мимо Сэмюэла, мимо доски, на которой мелом записывалась статистика по стельным коровам,

и вошел в небольшую кладовку, где хранились попоны и уздечки для фермерских лошадей и мулов. Как и в остальной части коровника, здесь было чисто и аккуратно. На стене, точно паутина, висели плетеные вожжи, а полки были забиты запасными подковами и банками с жидкой мазью.

Леви огляделся по сторонам, но одежды не увидел. Потом в стопке лошадиных попон он заметил что-то яркое. Что ж, в этом был смысл. Если Сара Фишер стирала его одежду, то наверняка вместе с другими вещами. Он поднял тяжелую полосатую попону и увидел свои запасные брюки и зеленую рубашку, скатанные в рулон. Леви шагнул вперед, собираясь встряхнуть свои вещи, но замер, уставившись на крошечное неподвижное личико поворожденного.

— Аарон! — Леви резко остановился, не в силах перевести дух. — Аарон, вам надо пойти туда. — И он побежал в сторону кладовки.

Аарон обменялся взглядом со своим отцом, и оба они поспешили за мальчиком, а за ними Сэмюэл.

Леви стоял перед табуретом, заваленным кипой лошадиных попон, а наверху кипы лежал спящий младенец, завернутый в его рубашку.

— Я... думаю, он не дышит.

Аарон подошел ближе. Он уже давно не имел дела с такими крошечными младенцами. Мягкая кожа личика ребенка была холодной. Аарон опустил на колени и наклонил голову, надеясь уловить дыхание. Потом положил ладонь на грудь младенца.

— Беги к Шуйлерам и попроси у них разрешения позвонить, — повернувшись к Леви, сказал он. — Вызови полицию.

— Уходи! — велела Лиззи Манро дежурному офицеру. — Не собираюсь заниматься младенцем, не подающим признаков жизни. Вышли туда «скорую».

— Они уже там. Им нужен детектив. — Лиззи закатила глаза. С каждым годом ее службы в качестве детектива-сержанта в полиции городка Ист-Парадайс фельдшеры становились, казалось, моложе. И глупее. — Фрэнк, это медицинский вызов.

— Знаешь, там что-то не так. — Лейтенант протянул ей клочок бумаги с адресом.

— Фишер? — прочитала Лиззи, нахмурившись при виде фамилии и адреса. — Они амиши?

— Полагаю, да.

Вздохнув, Лиззи схватила большую черную сумку и жетон:

— Ты ведь знаешь, что это пустая трата времени.

В прошлом Лиззи время от времени сталкивалась с подростками из общины амишей-староверов, собиравшимися в чьем-нибудь амбаре выпить и поплясать и, как правило, нарушавшими общественный порядок. Один или два раза ее вызывали по заявлению от какого-нибудь амишского бизнесмена, в доме которого была совершена кража со взломом. Но вообще амиши редко имели дело с полицией. Их община незаметно жила в собственном мире подобно воздушному пузырьку, непроницаемому для окружающей среды.

— Просто прими их заявление, и я все для тебя сделаю. — Фрэнк открыл для нее дверь, и она вышла из кабинета. — Подыщущу для тебя вкусное, жирное, особо тяжелое, и будешь рьяно вгрызаться в него.

— Не надо мне от тебя никаких услуг, — ответила Лиззи, но улыбнулась, садясь в машину, чтобы поехать на ферму Фишера.

На переднем дворе Фишеров еле уместились полицейский патрульный автомобиль, «скорая помощь» и багги. Лиззи подошла к дому и постучала во входную дверь.

Никто не ответил, но за спиной Лиззи услышала приветствие, произнесенное женским голосом на диа-

лекте, модуляции которого смягчали согласные звуки. К Лиззи быстрым шагом подошла амишская женщина средних лет в бледно-лиловом платье и черном переднике.

— Я Сара Фишер. Чем могу помочь?

— Я детектив-сержант Лиззи Мапро.

Сара важно кивнула и провела Лиззи в амбарную кладовку для упряжи, где двое парамедиков «скорой помощи», стоя на коленях, склонились над ребенком. Лиззи опустилась на корточки рядом с одним из них:

— Что у вас тут?

— Новорожденный, недавно родился. Когда мы при-
были, не было ни пульса, ни дыхания. Реанимировать не удалось. Один из работников фермы нашел его под лошадиной попоной завернутым в эту зеленую рубашку. Не могу сказать, был ли он мертворожденным, но тем не менее кто-то пытался спрятать тело. По-моему, один из ваших ребят околачивается около стойл для дойки, возможно, он сообщит вам что-то еще.

— Пойдите, какая-то женщина родила этого ребенка, а потом попыталась его спрятать?

— Угу. Примерно три часа назад, — пробормотал парамедик.

Неожиданно обычный вызов «скорой помощи» оказался более сложным, чем ожидала Лиззи, и, вероятнее всего, подозреваемая стояла в четырех футах от нее. Лиззи подняла глаза на Сару Фишер, которая обхватила себя руками и заметно дрожала:

— Ребенок... мертв?

— Боюсь, что да, миссис Фишер.

Лиззи открыла рот, чтобы задать очередной вопрос, но ее отвлек отдаленный шум передвигаемого оборудования.

— Что это такое?

— Работники заканчивают дойку.

— Дойку? — Брови Лиззи взлетели вверх.

— Это дело... — спокойно произнесла женщина. — Его все же нужно делать.

Лиззи вдруг испытала к женщине глубокую жалость. Жизнь никогда не прекращается из-за смерти. Она знала это лучше большинства людей. Положив руку на плечо миссис Фишер, Лиззи постаралась придать голосу мягкость, не совсем понимая, в каком психологическом состоянии находится женщина.

— Понимаю, что для вас это тяжело, но я собираюсь задать вам несколько вопросов по поводу вашего ребенка.

— Это не мой ребенок. — Сара Фишер посмотрела Лиззи прямо в глаза. — И я понятия не имею, откуда он взялся.

Полчаса спустя Лиззи подошла к судебному фотографу:

— Держитесь рядом с коровником. Амиши не любят, когда их фотографируют.

Мужчина кивнул, сделав несколько снимков в кладовой упряжи и отсняв крупные планы трупа младенца.

Наконец-то она поняла, зачем ее вызвали. Неопознанный мертвый младенец, неизвестная мать, бросившая его. И вся эта заварушка в самом сердце амишской фермы.

Она опросила соседей, лютеранскую пару, которые клялись, что никогда не слышали от Фишеров даже громких голосов, и совершенно не представляли, откуда мог взяться ребенок. У них были две дочери-подростка, одна из которых однажды сделала себе пирсинг в носу и на пупке. У обеих было алиби на прошлую ночь. Но они согласились пройти гинекологическое обследование, чтобы исключить себя из числа подозреваемых.

А вот Сара Фишер не согласилась.

Лиззи размышляла над этим, стоя в доильном помещении и глядя, как Аарон Фишер переливает молоко из

маленького бидона в большой. Он был высоким и темноволосым, с мускулистыми руками, развившимися за годы фермерства. Его борода доходила до второй пуговицы рубашки. Закончив, Фишер поставил бидон и повернулся к Лиззи, весь внимание.

— Моя жена не была беременна, детектив, — сказал Аарон.

— Вы уверены?

— Сара больше не может иметь детей. Врачи сделали ей операцию после того, как она едва не умерла при рождении нашего младшего ребенка.

— Ваши другие дети, мистер Фишер, — где они были, когда нашли младенца?

По лицу мужчины пробежала тень и быстро исчезла, едва Лиззи успела ее заметить.

— Моя дочь спала наверху. Моя другая дочь... ушла.

— Ушла, то есть обзавелась собственной семьей?

— Умерла.

— Сколько лет той дочери, которая спала?

— Восемнадцать.

При этих словах Лиззи вскинула глаза. Ни Сара Фишер, ни парамедики не упоминали, что на ферме живет еще одна женщина детородного возраста.

— Возможно ли, чтобы она была беременна, мистер Фишер?

Лицо мужчины сильно побагровело, и Лиззи даже забеспокоилась.

— Она даже не замужем.

— Это не обязательно, сэр.

Аарон Фишер холодно и спокойно посмотрел на детектива:

— Для нас обязательно.

Казалось, на дойку сорока коров ушла целая вечность, но это не имело ни малейшего отношения к прибытию второго отряда полиции. Выпустив телок в ворота для

выпаса и закрыв их, Сэмюэл зашагал к главной усадьбе. Он должен был помочь Леви подмести коровник, но это могло и подождать.

Сэмюэл даже не удосужился постучать. Просто открыл дверь, словно дом уже был его, и молодая женщина у плиты тоже принадлежала ему. На миг он остановился, глядя, как солнце расцвечивает ее профиль и золотит медовые волосы, как она быстро и проворно готовит завтрак.

— Кэти, — войдя, позвал Сэмюэл.

Быстро обернувшись, она вздрогнула, отчего в миске с жидким тестом подскочила ложка.

— Ох, Сэмюэл, я не ждала тебя так рано. — Она взглянула ему через плечо, словно ожидая увидеть за его спиной целую армию. — Мама сказала, что надо приготовить побольше, чтобы хватило всем.

Сэмюэл подошел к девушке, забрал у нее миску и поставил на кухонный прилавок. Потом взял Кэти за руки:

— Неважно выглядишь.

— Спасибо за комплимент, — скривилась она.

Он притянул ее к себе:

— С тобой все в порядке?

Ее глаза, взглянувшие на него, искрились синевой, как океан, который он однажды видел на обложке туристического журнала, и — как вообразил он себе — были такими же бездонно глубокими. Именно эти глаза привлекли его внимание к Кэти во время многолюдной церковной службы. Именно они заставили его поверить, что даже через много лет он сделает для этой женщины все, что угодно.

Кэти уклонилась от него и принялась печь блины.

— Ты ведь знаешь меня, — чуть задыхаясь, произнесла она. — Мне неуютно рядом с этими *Englischers*.

— Не так уж их много. Всего лишь горстка полицейских. — Сэмюэл в тревоге нахмурился. — Хотя, может, они захотят поговорить с тобой. Похоже, они собираются беседовать со всеми.

Кэти положила лопатку и медленно повернулась к нему:

— Что они там нашли?

— Твоя мама не сказала тебе?

Кэти медленно покачала головой, и Сэмюэл заколебался, разрываемый между ее желанием узнать правду и своим желанием как можно дольше продлить ее блаженное поведение. Он запустил пальцы в свои соломенные волосы, отчего они встали торчком.

— Ну... они нашли младенца. Мертвого.

Сэмюэл увидел, как широко раскрылись ее глаза, эти потрясающие глаза, а потом она опустилась на стул.

— О-о... — в изумлении прошептала она.

В тот же миг, прижимая Кэти к себе и шепотом говоря, что заберет ее отсюда и к черту полицию, он оказался рядом с ней. Почувствовав, как она обмякла в его руках, Сэмюэл торжествовал: после стольких дней отпора с ее стороны Кэти наконец позволила себя обнять. Однако она напряглась и отстранилась от него.

— По-моему, сейчас не время, — упрекнула она, поднявшись, выключила горелки газовой плиты и сложила руки на груди. — Сэмюэл, мне бы хотелось, чтобы ты отвел меня кое-куда.

— Куда угодно, — пообещал он.

— Хочу, чтобы ты отвел меня к этому ребенку.

— Это кровь, — подтвердил судмедэксперт, опустившись на колени в стойле для отёла перед небольшим темным пятном. — И плацента. Но не коровья, судя по размерам. Недавно какая-то женщина родила ребенка.

— Мертворожденного?

— Не могу сказать без вскрытия, — заколебался он, — но моя интуиция подсказывает «нет».

— Значит, он... умер?

— Этого я тоже не говорил.

Лиззи качнулась на каблуках:

— Хотите сказать, кто-то умышленно убил этого младенца?

— Полагаю, вам как раз и предстоит это выяснить, — пожал плечами судмедэксперт.

Лиззи быстро прикинула в уме. Принимая во внимание столь короткий промежуток между рождением и смертью младенца, вполне вероятно, что злоумышленницей была мать ребенка.

— О чем речь? Удушение?

— Вероятнее всего, удушение. Завтра я представлю предварительный отчет о результатах вскрытия.

Поблагодарив его, Лиззи побрела прочь с места преступления, охраняемого теперь патрульными полицейскими. Неожиданно случай оставления ребенка превратился в потенциальное убийство. Было достаточно резонных оснований для получения от местного судьи предписания на взятие проб крови — улики, способной указать на женщину, которая это совершила.

Лиззи остановилась, когда открылась дверь коровника. В полумрак коровника вошел высокий белокурый мужчина, один из работников фермы, вместе с молодой женщиной.

— Это Кэти Фишер, — сказал он.

Прелестная девушка принадлежала к тому здоровому германскому типу, который всегда наводил Лиззи на мысли о свежих сливках и весне. На Кэти было традиционное одеяние амишей-староверов: платье с длинным рукавом, а поверх него — черный фартук, закрывающий колени. Ноги босые и мозолистые. Лиззи всегда поражалась, видя, как летом амишская молодежь бегаёт без обуви по гравийным дорогам. Девушка сильно нервничала, и Лиззи почти чуяла ее страх.

— Рада, что ты пришла, Кэти, — ласково произнесла Лиззи. — Я искала тебя, чтобы задать несколько вопросов.

При этих словах Кэти придвинулась к белокурому гиганту, стоявшему рядом.

— Прошлой ночью Кэти спала, — заявил он. — Она даже не знала о том, что случилось, пока я не сказал ей.

Лиззи пыталась проанализировать реакцию девушки, но что-то отвлекло ее. Поверх плеча Лиззи та пристально вглядывалась в кладовку, где судмедэксперт наблюдал за выносом тела младенца.

Вдруг девушка вырвалась из рук Сэмюэла и убежала из коровника, Лиззи догнала ее только у двери в фермерский дом.

Сильная реакция на смерть, подумала Лиззи. Она наблюдала, как девушка пытается взять себя в руки, недоумевая, что ее взволновало. Была бы это обыкновенная юная девушка, Лиззи решила бы, что ею движет чувство вины, но Кэти Фишер была из амишей, и от нее требовалось держать эмоции под контролем. Если вы из амишей и выросли в округе Ланкастер без просмотра новостей и фильмов для людей старше семнадцати лет, ни разу не увидев сцен с изнасилованием, избиением жен и убийствами, то вполне естественно, что при виде мертвого ребенка вас мог бы охватить настоящий ужас.

Тем не менее в последние годы имели место судебные дела, когда матери подросткового возраста скрывали свою беременность, а после рождения ребенка заматали следы, избавляясь от новорожденного. Юные матери, совершенно не осознающие содеянного. Юные матери всевозможных обличий и религий.

Прислонившись к столбу, Кэти рыдала, закрыв лицо руками.

— Простите, — сказала девушка. — Увидев его... тело... я вспомнила о своей сестре.

— Той, которая умерла?

— Она утонула, когда ей было семь, — кивнула Кэти.

Лиззи бросила взгляд на поля — зеленое море, колышущееся на ветру. В отдалении заржала лошадь, ей откликнулась другая.

— Ты знаешь, что происходит, когда рождается ребенок? — тихим голосом спросила Лиззи.

ЧАСТЬ I

Кэти прищурилась:

— Я живу на ферме.

— Знаю. Но животные отличаются от женщин. И если женщина рождает и не получает потом медицинской помощи, то подвергает себя большой опасности. — Лиззи помолчала. — Кэти, ты ничего не хочешь мне сказать?

— Я не рожала этого ребенка, — ответила Кэти, глядя прямо в глаза детективу. — Нет.

Но Лиззи пристально разглядывала пол крыльца. На крашеных белых досках она заметила маленькое красно-коричневое пятно. А по голой ноге Кэти медленно стекала струйка крови.

ГЛАВА 2

Элли

Мои ночные кошмары были наводнены детьми. В особенности шестью девочками — две из них темно-волосые, четыре светленькие, коленки высовываются из-под клетчатого форменного сарафана школы Святого Амвросия, руки крепко сжаты. Понимаете, я видела, как все они вмиг повзрослели — в тот самый момент, когда старшина присяжных заседателей оправдал моего клиента, директора начальной школы, который домогался их.

Это был мой величайший триумф в качестве защитника из Филадельфии. После вынесения этого вердикта я стала известной и на меня обрушился шквал звонков от благовоспитанных кумиров общества, надеявшихся найти лазейки в законе, которые позволили бы им и дальше прятать в шкафу свои скелеты. В тот вечер, когда вердикт был утвержден, Стивен повел меня в кафе «У Виктора» на страшно дорогой обед — вместо него можно было купить подержанный автомобиль. Стивен представил меня метрдотелю как Джинни Кокран. Он сказал, что меня пригласили для беседы два старших партнера его фирмы, самой престижной в городе.

— Стивен, — с удивлением заметила я, — когда пять лет назад я проходила у вас собеседование, ты сказал, что не можешь иметь роман с женщиной, работающей в твоей фирме.

— Пять лет назад, Элли, — пожал он плечами, — все было по-другому.

Он был прав. Пять лет назад я продолжала строить свою карьеру. Тогда я верила, что главный бенефициар оправдательного приговора — скорее мой клиент, чем я сама. И пять лет назад я могла лишь мечтать о перспективах, какие предлагал мне Стивен в своей фирме.

— На какое время назначена встреча? — улыбнулась я.

Чуть позже, извинившись, я вышла в дамскую комнату. Рядом с подносом бесплатной косметики, лака для волос и духов безропотно сидела служительница. Я зашла в кабинку и расплакалась — из-за этих шести девочек, из-за свидетельств, успешно мной замалчиваемых, из-за того, что много лет назад, окончив юридический факультет, хотела стать честным адвокатом, который ни за что не взялся бы за это дело и тем более не старался бы изо всех сил выиграть его.

Я вышла из кабинки и включила воду, чтобы вымыть руки. Закатав рукава шелкового жакета, я долго намывливала и отмывала руки. Кто-то тронул меня за плечо. Обернувшись, я увидела служительницу, которая протягивала мне полотняное полотенце. У нее были жесткие и темные, как каштаны, глаза.

— Милая, — сказала она, — некоторые пятна ни за что не ототрешь.

В моих ночных кошмарах возникал еще один ребенок, но я никогда не видела его лица. Это был мой не родившийся малыш, и, судя по всему, ему не суждено было родиться. Люди подшучивают над биологическими часами, но они присутствуют у женщин, подобных мне, хотя сама я никогда не воспринимала их тиканье как звонок-напоминание, а скорее как предупреждение о бомбе. Сомневаешься, сомневаешься, а потом — бах! — все возможности упущены.

Я упоминала о том, что мы со Стивеном живем вместе восемь лет?

На следующий день после того, как его оправдали, директор школы Святого Амвросия прислал мне два десятка красных роз. Я как раз закидывала их в мусорное ведро, когда в кухню вошел Стивен.

— Зачем ты это делаешь?

Я медленно повернулась к нему:

— Ты когда-нибудь задумывался над этим? Что, однажды перейдя черту, не сможешь вернуться назад?

— Боже правый, ты опять говоришь, как Конфуций! Элли, просто скажи, в чем дело.

— Ладно. Я всего лишь хотела узнать, болит ли у тебя вот здесь. — Я указала на свое сердце. — Ты когда-нибудь смотришь на людей, сидящих в зале суда, — тех самых, чья жизнь была разрушена человеком, как тебе известно, адски виновным?

Стивен взял в руки кофейную кружку:

— Кто-то должен их защищать. Так работает наше законодательство. Если ты такой филантроп, иди работать в окружную прокуратуру. — Он вытащил из мусорного ведра розу, оторвал от нее стебель и заткнул цветок мне за ухо. — Тебе надо отвлечься. Что, если нам отправиться в Рехобот-Бич и заняться бодисерфингом? — Наклонившись ко мне, он добавил: — Голышом.

— Стивен, секс — не пластырь.

— Извини, если забыл. — Он отступил назад. — Это было так давно.

— Не хочу сейчас ничего обсуждать.

— Да и нечего обсуждать, Эл. У меня уже есть дочь двадцати одного года.

— А у меня нет. — (Эти слова, робкие и подкупающие, повисли в воздухе наподобие мыльного пузыря, готового лопнуть.) — Послушай, я в состоянии понять, почему ты не хочешь делать обратную вазэктомию. Но есть же другие способы...

— Других нет. Не хочу смотреть, как ты вечерами изучаешь каталог доноров спермы. И не хочу, чтобы со-

циальный работник шарил повсюду, начиная с моей налоговой отчетности и кончая ящиком для нижнего белья, в попытке определить, гожусь ли я для воспитания какого-нибудь китайчонка, оставленного умирать на вершине горы...

— Стивен, сейчас же прекрати! Ты потерял над собой контроль.

К моему удивлению, он немедленно успокоился, но сел, сжав губы и пыхтя от злости.

— Не стоило этого говорить, — наконец произнес он. — Знаешь, Элли, как мне обидно.

— Почему?

— Ты только что сказала... назвала меня долбаным троллем!

Я встретила с его взглядом:

— Я сказала, ты потерял над собой контроль.

Стивен заморгал, потом расхохотался:

— «Потерял контроль» — о господи! Я тебя не услышал.

«А когда ты в последний раз меня слышал?» — подумала я, но сдержалась и ничего не сказала.

Юридическая фирма «Пфистер, Краун и Дюпре» разместила в деловом районе Филадельфии, расползлась по трем этажам современного небоскреба из стекла и стали. Я не один час выбирала одежду для встречи с партнерами, забрав четыре костюма, пока не нашла тот, в котором, как мне казалось, выглядела более уверенной в себе. Воспользовалась сильным антиперспирантом, выпила чашку кофе без кофеина, опасаясь, что от натурального кофе у меня будут дрожать руки. Потом мысленно наметила путь к зданию, запланировав на поездку почти час, хотя до него было всего лишь пятнадцать миль.

Ровно в одиннадцать я скользнула за руль своей «хонды».